

Е. Е. Богданова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Многоотраслевая природа принципа добросовестности в российском праве

Резюме. В статье автор исследует процессы изменения законодательства России, которые отражают общие направления, тенденции, сформировавшиеся в обществе. Автором формулируется вывод, что, анализируя тенденции развития отечественного и зарубежного права, можно спрогнозировать основные направления развития законодательства, в том числе особенности применения принципа добросовестности.

В работе отмечается, что одной из тенденций, сложившейся в зарубежных правовых системах, является конституционализация частного права и усиление начал социализации права, выразившихся в эволюции принципа добросовестности. Другим направлением, сформировавшимся в праве, по мнению автора, является распространение принципа добросовестности в публичных правоотношениях, в силу чего этот принцип применяется, в частности, в налоговых отношениях.

В итоге проведенного исследования автор приходит к выводу, что в целях обеспечения единообразия конституционно-правового подхода применения принципа добросовестности, учитывая, что конституционные нормы, принципы и ценности должны выступать непосредственными регуляторами общественных отношений в рамках процесса социализации права, который осуществляется одновременно с постепенным размыванием разграничительной линии между частным и публичным правом, целесообразно распространять гражданско-правовые подходы применения принципа добросовестности, как наиболее эффективные и разработанные, на другие отрасли права, что будет соответствовать многоотраслевой природе данного принципа.

Ключевые слова: принцип добросовестности; частное право; публичное право; социализация права; конституционализация права; осмотрительность; разумность; состав правонарушения; виновность; способы защиты субъективных прав; юридическая ответственность

Для цитирования: Богданова Е. Е. Многоотраслевая природа принципа добросовестности в российском праве. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 23–35. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.023-035

A Diversified Nature of the Principle of Good Faith in Russian Law

Elena E. Bogdanova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the article, the author examines the processes of changing legislation in Russia that reflect the general trends formed in society. The author concludes that by analyzing the trends in the development of domestic and foreign law, it is possible to predict the main directions of the development of legislation, including specific nature of the application of the principle of good faith.

The paper notes that one of the trends that have developed in foreign legal systems is the constitutionalization of private law and the strengthening of the principles of socialization of law, expressed in the evolution of the

principle of good faith. Dissemination of the principle of good faith in public legal relations forms another direction in law that, according to the author, means dissemination of the principle of good faith in public legal relations, which is why this principle is applied, in particular, in tax relations.

As a result of the study, the author comes to the conclusion that in order to ensure uniformity of the constitutional law approach to the application of the principle of good faith, given that constitutional norms, principles and values should act as direct regulators of public relations within the process of socialization of law that is carried out simultaneously with the gradual blurring of the dividing line between private and public law, it is advisable to distribute civil law approaches to applying the principle of good faith as the most effective and developed, to other branches of law, which will correspond to the diversified nature of this principle.

Keywords: principle of good faith; private law; public law; socialization of law; constitutionalization of law; prudence; reasonableness; composition of the offense; guilt; ways to protect subjective rights; legal responsibility

Cite as: Bogdanova EE. A Diversified Nature of the Principle of Good Faith in Russian Law. *Lex russica*. 2023;76(10):23-35. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.023-035

Введение

Масштабные изменения, происходящие в настоящее время в России, отражающие общие направления, тенденции, сформировавшиеся в обществе, получают закрепление в правовых нормах. Следует при этом иметь в виду, что российское право не изолировано от зарубежных правовых порядков и достаточно активно воспринимает влияние извне. Анализируя тенденции развития отечественного и зарубежного права, можно спрогнозировать основные направления развития законодательства, касающиеся применения принципа добросовестности.

Так, одной из тенденций, сложившейся в зарубежных правовых порядках, является конституционализация частного права и усиление начал социализации права, выразившихся, в частности, в эволюции принципа добросовестности.

Другим сформировавшимся в законодательстве направлением является распространение принципа добросовестности на публичные правоотношения, в силу чего принцип добросовестности применяется, в частности, в налоговых отношениях. В этой связи представляется необходимым более подробное исследование специфики развития данных тенденций в отечественном праве.

Принцип добросовестности и конституционализация гражданского права

В последнее время в зарубежных правовых порядках наметилась тенденция к конституционализации гражданского права, которая проявилась, например, в новом Гражданском кодексе Чехии (вступил в силу с 1 января 2014 г.), согласно статье 2 которого каждая частноправовая норма должна пониматься в соответствии с Хартией основных прав и свобод и конституционным порядком, а также принципами, которые лежат в основе права, и с постоянной заботой о ценностях, которые они защищают.

Таким образом, конституционные нормы, принципы и ценности становятся непосредственными регуляторами частноправовых отношений, что приводит к тому, что такие отношения перестают быть сферой исключительно частного произвола индивидов, но становятся пространством для их кооперации и сотрудничества¹.

Как отмечают Lucas Abreu Barroso и Laio Portes Sthel, конституционализированное гражданское право может трактоваться как кульминация по обновлению основ в частном праве на базе демократической конституции. Провозглашая справедливость, солидарность и человеческое достоинство, конституция помогает нам увидеть потребность в демократизации гражданского права, начиная с изменения его основ, то есть вместо имущества человек становится предельным основанием частного права².

¹ Богданов Д. Е. Тенденция социализации и гуманизации гражданского права как одно из направлений социально-экономических реформ // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ. Национальные приоритеты и проекты : сборник материалов конференции. Вологда, 2021. С. 36.

² Barroso L. A., Sthel L. P. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity // Journal of Civil Law Studies. 2015. Vol. 8. № 1. P. 187–207.

Представляет интерес то, что в российской цивилистике высказывались аналогичные идеи в отношении гуманизации и социализации гражданского права, в том числе связанные с изменением акцентов в предмете гражданского права — постановкой на первый план именно неимущественных отношений³. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации появились законодательные нормы (ст. 1, 10, 307), посредством которых суды могут распространять конституционные ценности в сферу частноправовых отношений, которые выражены, например, в ст. 2 (человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью) и ст. 7 (принцип социального государства) Конституции РФ.

М. Хесселинк приходит к выводу, что в настоящий момент обнаруживается тенденция к социализации гражданского права, которая протекает как законодательно, так и путем применения судами общих оговорок, например о добросовестности (*good faith*)⁴. Соглашались с данным тезисом и бразильские цивилисты, полагая, что «понимание объективной добросовестности должно основываться на другой перспективе... которая эффективно ставит гражданское право и его институты на службу человеческой личности»⁵. В этой связи, по мнению отдельных зарубежных ученых, процесс социализации гражданского права осуществляется одновременно с постепенным размытием разграничительной линии между частным и публичным правом⁶.

Рассуждая о конституционализации, следует отметить, что в доктрине вопрос о применении конституционных прав и ценностей в сфере частных отношений остается дискуссионным, поскольку относительно этой проблемы существуют два противоположных подхода — концепции прямого и косвенного воздействия.

Так, И. А. Алешкова отмечала, что прямое действие Конституции реализуется в рамках процессуальной деятельности и представляет собой применение конкретной конституционной нормы (конституционных норм) как непосредственно, так и в совокупности с нормами других законов, конкретизирующих ее положения, при обосновании и вынесении судебного решения. Косвенное применение осуществляется судами общей юрисдикции в рамках процессуальной деятельности и представляет собой применение нормы закона, которой конституционная норма была конкретизирована в совокупности с правовыми позициями Конституционного Суда РФ⁷.

В свою очередь, Б. И. Кожохин заключает, что прямое действие Конституции ограничено и не может рассматриваться в качестве единственного способа ее реализации. По его мнению, Конституция как юридический акт, составляющий фундамент всей правовой системы государства, в процессе применения реализуется и непосредственно (как политико-правовой документ прямого действия), и с помощью всей совокупности юридических, политических и морально-этических норм, используемых в данном государстве⁸.

Интересно, что Конституционный суд ФРГ долгое время придерживался подхода косвенного воздействия (*indirect effect*) Основного закона на сферу частноправовых отношений. В качестве примера конституционализации гражданского права представляет интерес следующее решение (BVerfG 19.10.1993, BVerfGE 89, 214 (Bürgschaft)). Суд принял во внимание то обстоятельство, что совершеннолетняя, но молодая дочь (21 год) должника, не успевшая получить образование, занятая на неквалифицированной работе на рыбной фабрике, выступила поручителем в отношении обязательств

³ См. более подробно: Богданов Е. В. Социализация гражданского права России как основа его модернизации // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 5 (174). С. 9–17.

⁴ Hesselink M. W., Mak Ch., Rutgers J. W. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference. Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series № 2009/05. P. 7–8. URL: <http://ssrn.com/abstract=1413089> (дата обращения: 10.08.2023).

⁵ Barroso L. A., Sthel L. P. Op. cit. P. 207.

⁶ Hesselink M. W., Mak Ch., Rutgers J. W. Op. cit.

⁷ Алешкова И. А. Итоги весенней школы молодых ученых «Актуальные проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации» // *Российское правосудие*. 2014. № 6. С. 109–112.

⁸ Кожохин Б. И. Некоторые особенности реализации российской Конституции // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право. 1996. Вып. 2. С. 87–93.

своего отца на сумму в 50 тыс. евро. Фактически суд признал недействительным договор о поручительстве, хотя он был заключен дочерью в соответствии с ее конституционным правом автономии личности, которое вытекает из конституционного права на свободное развитие личности во взаимодействии с принципом социального государства (ч. 1 ст. 2 и ч. 1 ст. 28 Основного закона ФРГ). По мнению немецкого суда, в случаях, когда «структурное неравенство в имущественной самостоятельности» приводит к договору, в котором существенным образом обременена слабая сторона, суды обязаны защищать конституционное право автономии личности этой стороны путем вмешательства в рамках общих принципов добрых нравов и добросовестности, закрепленных в ч. 1, § 138 и § 242 Германского гражданского уложения⁹.

По другому делу (BVerfG 07.02.1990, BVerfGE 81, 242 (Handelsvertreter)) немецкий суд признал недействительной оговорку об отказе конкурировать в договоре между агентом и его принципалом, посчитав ее противоречащей конституционному праву агента свободно заниматься профессиональной деятельностью. Согласно данному условию, агенту запрещалось заключать аналогичные договоры с конкурентами принципала в течение двух лет с момента прекращения договорных отношений. Следует отметить, что такое условие договора соответствовало норме Германского торгового уложения (ст. 90а). Однако Конституционный суд ФРГ указал на то, что в случае неравенства переговорных возможностей, когда экономически более сильная сторона имеет возможность диктовать условия другой стороне договора, частное право не способно обеспечить справедливый баланс интересов участников догово-

ворных отношений и судебная система обязана восстановить паритет в целях защиты конституционных прав прежде всего слабой стороны договора¹⁰.

Многие российские ученые — судьи Конституционного Суда РФ — являются сторонниками теории судебного конституционализма. Как отмечает Н. С. Бондарь, «свою полноту верховенство права приобретает тогда, когда сам закон оказывается в подчинении правовым целям и ценностям и заключает в себе не любое произвольное, но правовое содержание, а само право воплощается в законе как в необходимом источнике своего существования»¹¹. В то же время данные проблемы в настоящее время не находятся в центре внимания российской цивилистики. Поэтому вопросы конституционализации российского гражданского права разрабатываются в основном представителями науки российского конституционного права.

Как справедливо утверждает Г. А. Гаджиев, «одновременное участие в механизме правового регулирования предполагает совпадение интерпретации норм конституционного и гражданского права. А между тем вполне возможны ситуации, когда суды общей юрисдикции, применяющие нормы гражданского права, не учитывают одновременное регулирование соответствующих отношений нормами конституционного права либо вкладывают в нормы частного права смысл, отличный от конституционно-правового смысла гомогенных норм»¹².

Так, одним из примеров осуществленного воздействия конституционных норм на гражданско-правовые отношения является постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П¹³, в котором отмечается, что по Закону об ОСАГО расходы на восстановительный ремонт

⁹ Cherednychenko O. The harmonisation of contract law in Europe by means of the horizontal effect of fundamental rights // Erasmus law rev. Rotterdam, 2007. Vol. 1, № 1. P. 37–57.

¹⁰ Cherednychenko O. Op. cit.

¹¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, 2011. С. 54.

Как указывает в этой связи Г. А. Гаджиев, судебный конституционализм в качестве одной из духовных предтеч имеет институт пророчества, см.: Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 157.

¹² Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2003.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой и других» (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

автомобиля возмещаются с учетом износа подлежащих замене комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов). Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, данное правило, предназначенное исключительно для ОСАГО, не распространяется на деликтные правоотношения. Таким образом, при определении размера убытков, подлежащих возмещению причинителем вреда, надлежит учитывать полную стоимость новых деталей, узлов и агрегатов.

Подобная ситуация контрастирует с зарубежной цивилистикой, поскольку проблема конституционализации гражданского права не ограничена практикой юристов Германии, данным вопросом занимаются цивилисты и других европейских стран¹⁴.

Принцип добросовестности в семейном праве

Безусловно, что гражданское законодательство в сфере регулирования договорных отношений обладает более эффективным правовым инструментарием касательно обеспечения пропорциональности прав и обязанностей сторон договора при применении принципа добросовестности, чем нормы семейного права. В связи с этим возникает вопрос о возможности его применения к семейно-правовым соглашениям, учитывая, что гражданское законодательство в этой ситуации применяется в дополнительном (субсидиарном) порядке: постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК РФ).

По данному вопросу представляет интерес позиция Конституционного Суда РФ, который в своем определении¹⁵ указал, что, допустив возможность договорного режима имущества супругов, федеральный законодатель — исходя из необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота, а также защиты интересов кредиторов от недобросовестного поведения своих контрагентов, состоящих в брачных отношениях, и учитывая, что в силу брачного договора часть общего имущества супругов мо-

жет перейти в собственность того супруга, который не является должником, — предусмотрел в п. 1 ст. 46 СК РФ обращенное к супругу-должнику требование уведомлять своего кредитора обо всех случаях заключения, изменения или расторжения брачного договора и его обязанность — отвечать по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора, если он указанное требование не выполняет. Таким образом, в случае заключения супругами брачного договора не извещенный об этом факте кредитор изменением режима имущества супругов юридически не связан и по-прежнему вправе требовать обращения взыскания на имущество, перешедшее согласно брачному договору супругу должника.

В то же время в отношении пределов судебного усмотрения по данной проблеме М. М. Агарков признавал, что «сторонники теории злоупотребления правом должны сформулировать критерий, который укажет суду, в каком направлении он должен пользоваться предоставленным ему правомочием... Как и во всех случаях судебного усмотрения, лицо узнаёт о границах своего права не заранее из закона, а *post factum* из судебного решения»¹⁶.

Так, по одному из споров банк в порядке ст. 10, 170 ГК РФ предъявил иск к супругам К. о применении последствий недействительности ничтожной сделки — брачного договора. Брачным договором супруги произвели раздел совместно нажитого имущества, передав супруге недвижимое имущество, супругу — бизнес. В ходе исполнительного производства судебным приставом-исполнителем денежных средств, движимого и недвижимого имущества у К. Н. (солидарного должника) не выявлено. Суд установил, что брачный договор был заключен до предъявления иска к кредитору и поручителю. Доказательств того, что в результате совершения оспариваемого брачного договора нарушены интересы истца в предпринимательской или иной хозяйственной деятельности, представлено не было. В действиях ответчиков по фактическому разделу супружеского имуще-

¹⁴ См., например: *Alpa G., Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Routledge-Cavendish, 2007. P. 5–8*; *Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. Iss. 2. P. 235–258.*

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2010 № 839-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Козловой Марины Николаевны и Козлова Сергея Сергеевича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации».

¹⁶ *Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. 1946. № 6.*

ства отсутствовали признаки злоупотребления правом¹⁷.

Следует отметить, что в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» при оценке добросовестности действий субъекта рекомендовано исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей в том числе в получении необходимой информации.

Однако применение основного принципа гражданского права — принципа добросовестности в семейно-правовых отношениях — вызывает у правоприменителя значительные трудности. Более того, возникает вопрос о целесообразности применения данного принципа и пределов его применения судом при разрешении семейно-правовых споров. Так, С. Ю. Чашкова приходит к выводу о том, что в семейном законодательстве данная категория раскрывается не через субъективное свойство лица, а через объективную категорию — нарушение прав супруга, что обусловлено потребностями юридической техники или желанием продемонстрировать отраслевую самобытность семейных отношений¹⁸. Н. А. Темникова полагает, что на подходы судов в квалификации добросовестного поведения членов семьи и ее бывших членов влияет специфика института, в рамках которого происходит разбирательство. Само понимание добросовестности члена семьи судом непосредственно зависит от методологических институциональных особенностей и субъектного состава спора¹⁹.

В научных исследованиях, посвященных проблемам семейного права, часто употребляется понятие «лично-доверительный характер семейных отношений». Так, Н. Д. Егоров пишет: «Как имущественно-стоимостные, так и личные

неимущественные отношения в семье приобретают лично-доверительный характер, оказывающий влияние и на особенности их гражданско-правового регулирования»²⁰.

В этой связи Л. Ю. Михеева ставит вопрос о том, насколько возможно в семейных отношениях прямое действие правил ГК РФ о добросовестности. «Обязанность действовать добросовестно (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ), как представляется, бесспорна и должна существовать также в семейных отношениях. Однако презумпция добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ), которую во многих случаях опровергать придется слабой стороне семейного правоотношения, требует отдельного осмысления применительно к семейному законодательству»²¹.

В то же время суды при разрешении отдельных семейных споров дают оценку добросовестности поведения участников. Так, по одному из дел суд признал: законодатель, наряду с презумпцией согласия супруга на распоряжение совместным имуществом другим супругом, закрепил также пределы осуществления семейных прав не вопреки интересам другого супруга, т.е. недопустимость злоупотребления правами²².

Но в целом в настоящее время судебная доктрина оценивает добросовестность членов семьи уже в случае прекращения семейных отношений, что не может не вызывать критику такого подхода. Совершенно очевидно, что недобросовестное поведение членов семьи по отношению друг к другу, злоупотребление ими своими правами может иметь место и в рамках семейных отношений, когда их участники осуществляют свои права в противоречии с их сущностью и доверительным характером. При оценке добросовестности субъекта суд оценивает различные обстоятельства: какие интересы преследует управомоченный субъект при осуществлении субъективного права; какие неблагоприятные последствия для других лиц повлекли действия управомоченного субъекта; учитывало

¹⁷ Решение Одинцовского городского суда Московской области по делу № 2-3560/11 // СПС «Судовед». URL: <http://sudoved.ru> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁸ Чашкова С. Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 47–52.

¹⁹ Темникова Н. А. Имущественные отношения в семье: доверительность vs. добросовестность // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 82–84.

²⁰ Егоров Н. Д. Семейное право и семейное законодательство // Гражданское право. М., 1999. Ч. 3. С. 204.

²¹ Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019.

²² Определение Верховного Суда РФ от 30.08.2016 № 5-КГ16-119 // СПС «Гарант».

ли управомоченное лицо интересы других лиц при реализации права; могут ли вследствие отказа от защиты права пострадать интересы управомоченного лица и как они соотносятся с характером вредных последствий для других лиц, наступивших вследствие его действий, и др.

Учитывая, что отношения между супругами по распоряжению общим имуществом в большей мере остаются семейно-правовыми, к ним применяется пункт 2 ст. 7 СК РФ, предусматривающий, что суд может отказать в защите субъективного права супруга, осуществившего его в противоречии с назначением. Однако, на наш взгляд, вполне уместно говорить о распространении на участников семейных отношений гражданско-правовых требований о добросовестности²³. Так, в случае несоблюдения данных требований лицу может быть отказано в защите принадлежащего ему права (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В науке семейного права не все разделяют такой подход. В частности, С. Ю. Чашкова отмечает, что доверительный характер семейных отношений, подпадающих под влияние морально-этических правил, делает невозможным предъявление к правовому регулированию и осуществлению семейных прав принципа добросовестности, так как оно будет «ненужным мерилom субъективного отношения лица к своему поведению», которое соотносится членом семьи в большей степени через нравственные категории²⁴.

Данное противопоставление основ гражданского и семейного права представляется, на наш взгляд, искусственным. Введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права является мерой, направленной на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования. Именно с позиции нравственности следует подходить к оценке поведения субъекта права как добросовестного (нравственного) или недобросовестного (безнравственного): поведение участников гражданского оборота,

отражающее представление общества о добре, следует считать нравственным, следовательно, добросовестным; поведение, отражающее представление о зле, — соответственно безнравственным и недобросовестным. Из этого вытекает, что безнравственное поведение субъекта не может быть добросовестным, а недобросовестное поведение — нравственным²⁵.

В этой связи следует отметить, что Конституционный Суд РФ признал действие категории «добросовестность» в семейно-правовых отношениях. Так, постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2010 № 17-П «По делу о проверке подпункта “з” пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Л. Р. Амаякяна»²⁶ содержит вывод о том, что приоритет добровольного исполнения родительской обязанности по предоставлению содержания несовершеннолетним детям базируется на презумпции добросовестности родительской заботы о детях.

В литературе отмечается, что возведение категории «добросовестность» в ранг презумпции в целях процессуального доказывания ни в коей мере не определяет возникновение препятствий для ее применения в качестве принципа материально-правовых отраслей права²⁷. Представляется, однако, что не следует рассматривать категорию добросовестности в контексте правовой презумпции.

Как верно замечает А. В. Шухарева, возможность опровержения презумпции добросовестности не означает наличие вероятности отступления от принципа добросовестности, не является пробелом, а, наоборот, означает, что данный принцип пронизывает всю отрасль, обязывая всех без исключения быть добросовестными в своих действиях²⁸. Однако презумпция добросовестности акцентирует внимание суда и участников на процессуальной стороне возникшего спора. Гораздо важнее, чтобы субъекты семейных правоотношений были

²³ Тарусина Н. Н. Семейное право в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М., 2014. С. 67–68.

²⁴ Чашкова С. Ю. Указ. соч. С. 52.

²⁵ Богданова Е. Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex russica. 2016. № 1. С. 180.

²⁶ Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

²⁷ См.: Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М. : Проспект, 2017. С. 94.

²⁸ Шухарева А. В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9–11.

ориентированы на добросовестное поведение как единственно возможное. Такое воздействие на участников семейных правоотношений может обеспечить только включение принципа добросовестности в качестве основного начала семейно-правового регулирования.

Таким образом, можно заключить, что изменение вектора развития общественных отношений в направлении социализации действующего законодательства не может не влиять на правовое регулирование института семьи, в частности с учетом увеличения значимости экономической (имущественной) составляющей брачных (семейных) отношений. Данная тенденция не в полной мере учитывается законодателем, что обуславливает проблемы применения правовых норм, регулирующих вещно-правовой аспект семейных отношений, обязательственную сферу взаимоотношений в семье, семейное предпринимательство и др. В этой связи судебная доктрина вынуждена устранять противоречия и пробелы законодательства в данной области, что, конечно, является лишь временным средством разрешения семейно-правовых конфликтов и доказывает необходимость системного реформирования семейного законодательства, в частности включения принципа добросовестности в качестве основного начала семейного права.

Принцип добросовестности в налоговом законодательстве. Специфика законодательных подходов по применению принципа добросовестности в налоговом и гражданском праве

Диспозитивный метод правового регулирования в значительной мере предопределил основополагающее значение принципа добросовестности в гражданском праве. В то же время, несмотря на конституционные основы данного

принципа, вопрос о его значении в отраслях публичного права, основанных на преобладании императивного метода правового регулирования, долгое время был дискуссионным.

Однако еще в 2001 г. Конституционный Суд РФ признал, что «по смыслу положения, содержащегося в пункте 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации, в сфере налоговых отношений действует презумпция добросовестности налогоплательщиков»²⁹. К. В. Нам в этой связи полагает, что «мысли о необходимости подчинения публично-правовых формальных норм идеям справедливого регулирования, обеспечения интересов прежде всего лиц, находящихся в нижней части властно-правовой вертикали, получили свое распространение и в этой области»³⁰.

В 2017 г. в Налоговый кодекс РФ была включена статья 54.1 «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», которая запрещает налогоплательщику недобросовестные действия по уменьшению налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика»³¹.

При этом в доктрине и судебной практике толкование данной статьи НК РФ вызвало противоречивые суждения, в частности относительно содержания недобросовестных действий налогоплательщика, направленных на уменьшение налоговой базы.

В соответствии с разъяснениями Конституционного Суда РФ, нашедшими отражение в определении от 29.09.2020 № 2311-О³², следует признать, что статья 54.1 НК РФ направлена на конкретизацию механизма налогового контроля таким образом, чтобы поддерживался баланс частных и публичных интересов в про-

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12.10.1998 по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»».

³⁰ Нам К. В. История развития принципа добросовестности (Treu und Glauben) в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С. 74.

³¹ Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2311-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Саратов-Холод Плюс» на нарушение консти-

цессе выявления незаконного уменьшения налогоплательщиком налоговой базы, и указывает на обстоятельства и условия, которые принимаются во внимание налоговым органом при квалификации действий налогоплательщика как незаконных. Таким образом, при выявлении фактов получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды налоговый орган обязан проверить, осуществлялась ли субъектом в действительности хозяйственная деятельность, не подменяемая формальным документооборотом, совершались ли сторонами гражданско-правовые сделки, выявить их экономическое содержание, а также установить реальный размер имеющихся налоговых обязательств. Существенное внимание при рассмотрении данных обстоятельств уделялось анализу поведения налогоплательщика при выборе контрагента в ходе совершения сделки.

Так, по одному из споров Верховный Суд РФ отметил, что при выборе контрагента налогоплательщик руководствуется необходимой степенью заботливости и осмотрительности (должной осмотрительностью); проявление надлежащей осмотрительности предполагает, что при выборе контрагента субъекты предпринимательской деятельности, как правило, оценивают не только условия сделки и их коммерческую привлекательность, но и деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; а при совершении значимых сделок, например по поводу дорогостоящих объектов недвижимости, изучают историю взаимоотношений предшествующих собственников и принимают тому подобные меры³³. Далее Верховный Суд указывает, что, если налоговый орган установит, что экономический источник вычета (возмещения) НДС не

создан, а поставщик (исполнитель) в период взаимодействия с налогоплательщиком-покупателем не имел экономических ресурсов (материальных, финансовых, трудовых и т.п.), необходимых для исполнения заключенного с покупателем договора, в связи с чем сделка в действительности исполнена иными лицами, такие обстоятельства могут указывать на то, что налогоплательщик не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента, пока иное не будет доказано налогоплательщиком.

Таким образом, в качестве обязательного критерия получения налоговой выгоды предлагается применять должную (коммерческую) осмотрительность налогоплательщика при совершении конкретной сделки. В свою очередь, в п. 20 письма ФНС РФ от 10.03.2021³⁴ отмечается, что если из оценки материалов проверки, а также представленных налогоплательщиком возражений и доказательств следует, что им проявлена коммерческая осмотрительность и он не знал и не должен был знать об обстоятельствах, характеризующих контрагента как «техническую» компанию, и о предоставлении исполнения иным лицом, то в действиях налогоплательщика отсутствует состав правонарушения.

Обращает на себя внимание, что проявление коммерческой осмотрительности при выборе контрагента является свидетельством, как отмечает ФНС РФ, отсутствия состава правонарушения в действиях налогоплательщика.

В этой связи следует отметить, что Конституционный Суд РФ и в сфере защиты гражданских прав продемонстрировал подобный подход относительно установления связи между проявлением осмотрительности (в данном случае — разумной) и добросовестностью поведения участника, указав, что действующее законодательство исходит из принципа защиты добросовестных участников гражданского оборота, проявляющих при заключении сделки добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность³⁵.

туционных прав и свобод пунктами 1 и 2 статьи 54.1, пунктом 5 статьи 82 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частью 2 статьи 2 Федерального закона от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»».

³³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597 по делу № А42-7695/2017.

³⁴ Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации».

³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева».

В то же время согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Таким образом, проявление необходимой степени заботливости и осмотрительности (т.е. добросовестности) выступает также критерием невиновного поведения субъекта.

Возникает вопрос, всегда ли недобросовестное поведение является виновным поведением, а добросовестное — невиновным. Данная проблема вызывает споры в научной литературе. Так, В. И. Емельянов утверждает следующее: «...Определение добросовестности совпадает, в сущности, с определением невиновности. Тогда понятие “недобросовестность”, являющееся негативным по отношению к понятию “добросовестность”, должно совпадать с понятием “виновность”»³⁶. М. Ф. Лукьяненко, в свою очередь, приходит к выводу, что «недобросовестный субъект — это субъект, виновный в неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правового обязательства»³⁷.

В. В. Ровный по данному вопросу отмечает, что «...категории добросовестности и недобросовестности являются субъективными и сопоставимыми с традиционными и более понятными категориями невиновности и вины»³⁸. Однако В. В. Ровный не обосновывает в таком случае необходимость введения в гражданское законодательство категории «добросовестность» при наличии более понятной категории «невиновность».

В. А. Белов в своем исследовании признает, что «добросовестным может считаться только приобретатель, который приобрел чужую вещь невиновно, т.е. если в его действиях не усматривается ни умысла, ни неосторожности»³⁹.

Однако, на наш взгляд, добросовестность характеризует действия субъекта применительно

к сложившимся в обществе стандартам поведения участника оборота при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. В этой связи виновный субъект с точки зрения права всегда недобросовестный, однако недобросовестный может быть и невиновным. Усложняет понимание обеих категорий то, что восприятие добросовестности как соответствия поведения лица принятым стандартам поведения в известной степени пересекается с его невиновностью — также объективной категорией, выражающейся в проявлении субъектом необходимой (разумной, достаточной) осмотрительности (п. 1 ст. 401 ГК РФ).

Следует признать, что добросовестность как оценочная категория — это в значительной мере инструмент достижения баланса прав и обязанностей участников гражданского оборота. То есть добросовестность или недобросовестность — объективные категории, представляющие собой оценку поведения субъекта применительно к общепризнанным стандартам осуществления участниками субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей. Отдельные случаи недобросовестного поведения законодатель квалифицирует как правонарушение, однако даже здесь вина субъекта учитывается не всегда, так как имеют место безвиновные или безвредные (безубыточные) правонарушения. В этих случаях принимается во внимание только наличие или отсутствие недобросовестности субъекта. При нарушении же субъективного права лица, не отнесенного законодателем к правонарушению, вина вообще не имеет какого-либо самостоятельного значения⁴⁰.

В этой связи заслуживает поддержки позиция Верховного Суда РФ, заключающаяся в том, что при выявлении недобросовестного поведения одной из сторон суд, в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и

³⁶ Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. С. 106.

³⁷ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 47.

³⁸ Ровный В. В. Переработка добросовестная и недобросовестная // Вещные права: система, содержание, приобретение. Сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М. : Статут, 2008. С. 366.

³⁹ Белов В. А. Защита интересов добросовестного приобретателя ценной бумаги // Законодательство. 1997. № 6. С. 34.

⁴⁰ См. более подробно: Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М., 2014. С. 54–56.

последствий такого поведения, отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ)⁴¹. На примере данного подхода следует различать меры ответственности и способы защиты субъективных прав, которые соотносятся как частное и общее. Поэтому основание гражданско-правовой ответственности (правонарушение) может одновременно являться основанием защиты только как частный случай.

Заключение

В итоге можно прийти к выводу, что недобросовестное поведение субъекта является основанием применения способов защиты субъективных прав, что, в свою очередь, не предполагает по общему правилу установления факта

совершения субъектом виновных противоправных действий, влекущих гражданско-правовую ответственность. Таким образом, не следует отождествлять недобросовестность субъекта с его виновностью и, соответственно, его добросовестные действия с отсутствием вины.

В то же время оценка проявления коммерческой осмотрительности при выборе контрагента в качестве критерия отсутствия в действиях налогоплательщика состава правонарушения характеризует императивный подход налогового законодательства к реализации принципа добросовестности.

На наш взгляд, представляется, что в целях обеспечения единообразия конституционно-правового подхода применения принципа добросовестности, учитывая, что конституционные нормы, принципы и ценности должны выступать непосредственными регуляторами общественных отношений в рамках процесса социализации права, который осуществляется одновременно с постепенным размыванием границы между частным и публичным правом, целесообразно распространять гражданско-правовые механизмы применения принципа добросовестности, как наиболее эффективные и разработанные, на другие отрасли права, что будет соответствовать многоотраслевой природе данного принципа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. 1946. № 6. С. 424–436.
- Алешкова И. А. Итоги весенней школы молодых ученых «Актуальные проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации» // Российское правосудие. 2014. № 6. С. 109–112.
- Белов В. А. Защита интересов добросовестного приобретателя ценной бумаги // Законодательство. 1997. № 6. С. 33–39.
- Богданов Д. Е. Тенденция социализации и гуманизации гражданского права как одно из направлений социально-экономических реформ // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ. Национальные приоритеты и проекты : сборник материалов конференции. Вологда, 2021. С. 36–38.
- Богданов Е. В. Социализация гражданского права России как основа его модернизации // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5 (174). С. 9–17.
- Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М., 2014. 344 с.
- Богданова Е. Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex russica. 2016. № 1. С. 177–182.
- Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, 2011.
- Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2003. 286 с.

⁴¹ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

- Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 320 с.
- Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-книга, 2002. 160 с.
- Кожохин Б. И. Некоторые особенности реализации российской Конституции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право. 1996. Вып. 2. С. 87–93.
- Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 53 с.
- Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.] / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019. 492 с.
- Нам К. В. История развития принципа добросовестности (Treu und Glauben) в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С. 97–108.
- Ровный В. В. Переработка добросовестная и недобросовестная // Вещные права: система, содержание, приобретение : сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М. : Статут, 2008. С. 360–401.
- Тарусина Н. Н. Семейное право в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М. : Проспект, 2014. 281 с.
- Темникова Н. А. Имущественные отношения в семье: доверительность vs. добросовестность // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 82–84.
- Чашкова С. Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 47–52.
- Шухарева А. В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9–11.
- Alpa G., Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Routledge-Cavendish, 2007.
- Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. Iss. 2. P. 235–258.
- Barroso L. A., Stiel L. P. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity // Journal of Civil Law Studies. 2015. Vol. 8. № 1. P. 187–207.
- Cherednychenko O. The harmonisation of contract law in Europe by means of the horizontal effect of fundamental rights // Erasmus Law Rev. 2007. Vol. 1. № 1. P. 37–57.
- Hesselink M. W., Mak Ch., Rutgers J. W. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference. Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series № 2009/05. URL: <http://ssrn.com/abstract=1413089>.

REFERENCES

- Agarkov MM. The problem of abuse of law in Soviet civil law. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR*. 1946;6:424-436. (In Russ.).
- Aleshkova IA. Results of the spring school of young researchers «Actual Problems of Direct Action and Application of the Constitution of the Russian Federation». *Russian Justice*. 2014;6:109-112. (In Russ.).
- Belov VA. Protection of the interests of a bona fide acquirer of a security. *Zakonodatel'stvo*. 1997;6:33-39. (In Russ.).
- Bogdanov DE. The tendency of socialization and humanization of civil law as one of the directions of socio-economic reforms. In: *Strategy and tactics of implementation of socio-economic reforms. National priorities and projects: Conference proceedings*. Vologda; 2021. (In Russ.).
- Bogdanov EV. Socialization of the Russian civil law as the basis of its modernization. *Lex russica (Russian Law)*. 2021;5:9-17. (In Russ.).
- Bogdanova EE. The principle of good faith and the evolution of civil rights protection in contractual relations. Moscow; 2014. (In Russ.).
- Bogdanova EE. The principle of good faith: the ratio of legal and moral aspects. *Lex russica*. 2016;1:177-182. (In Russ.).
- Bondar NS. Judicial constitutionalism in Russia in the context of constitutional justice. Moscow: Norma Publ.; 2011. (In Russ.).
- Gadzhiev GA. Constitutional principles of a market economy: (development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). Moscow: Jurist Publ.; 2003. (In Russ.).

- Gadzhiev GA. Ontology of Law (a critical study of the legal concept of reality). Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
- Emelyanov VI. Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights. Moscow: Lex-kniga Publ.; 2002. (In Russ.).
- Kozhokhin BI. Some features of the implementation of the Russian Constitution. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law*. 1996;2:87-93. (In Russ.).
- Lukyanenko MF. Evaluative concepts of civil law: theoretical and legal analysis and practice of law enforcement. Abstract Dr. Diss. (Law). Moscow; 2010. (In Russ.).
- Mikheeva LYu. Development of Russian family legislation. In: Vitryansky VV, Golovina SYu, Gongalo BM [et al.], Medvedev DA (ed.). *Codification of Russian Private Law 2019*. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
- Nam KV. The history of the development of the principle of good faith (Treu und Glauben) in the period from 1900 to 1945. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2018;6:97-108. (In Russ.).
- Rovnyi VV. Fair and unfair processing. In: Tuzov DO (ed). *Real rights: system, content, acquisition: collection of scientific papers in honor of Professor B. L. Haskelberg*. Moscow: Statut Publ.; 2008. (In Russ.).
- Tarusina NN. Family law in the «orchestration» of sovereignty and judicial discretion. Moscow: Prospect Publ.; 2014. (In Russ.).
- Temnikova NA. Property relations in the family: trustworthiness vs. conscientiousness. *Family and Housing Law*. 2018;1:82-84. (In Russ.).
- Chashkova SYu. Application of the categories «conscientiousness» and «reasonableness» in the regulation of property relations of spouses. *Zakony Rissii: opyt, analiz, praktika*. 2010;9:47-52. (In Russ.).
- Shukhareva AV. The importance of good faith as a principle and presumption in civil law: problems of theory and practice. *Russian Justice*. 2020;9:9-11. (In Russ.).
- Alpa G, Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Routledge-Cavendish; 2007. (In Russ.).
- Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2007;14(2):235-258.
- Barroso LA, Sthel LP. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity. *Journal of Civil Law Studies*. 2015;8(1):187-207.
- Cherednychenko O. The harmonisation of contract law in Europe by means of the horizontal effect of fundamental rights. *Erasmus Law Review*. 2007;1(1):37-57. (In Russ.).
- Hesselink MW, Mak Ch, Rutgers JW. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference. Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series. 2009;05:7-8. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1413089>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданова Елена Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
debogdanova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Bogdanova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
debogdanova@msal.ru

Статья поступила в редакцию 19 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 19 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 19.05.2023

Revised 19.06.2023

Accepted 15.09.2023